

УДК 821.161.1

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА И СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК ОПОРНЫЕ ЕДИНИЦЫ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В. В. Волков, Н. В. Волкова

Тверской государственный университет

кафедра русского языка

кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье обосновывается, что понятия «семантическая доминанта» и «семантическое поле» могут продуктивно использоваться в целях интерпретации содержания художественных произведений.

Ключевые слова: *семантическая доминанта, семантическое поле, художественное произведение*

Конечная цель анализа художественного произведения – выявить глубокие пласты его содержания, понять их и интерпретировать. Поэтому самое короткое и вместе с тем самое ёмкое «определение» филологии – искусство чтения, понимания и комментирования любых текстов [1, с. 54–55], особенно с многослойными смыслами – священных текстов и художественных произведений. В основе толкования, как писал Л. В. Щерба еще в 1923 году, лежит «...показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений» [14, с. 97]. Между языковыми средствами и глубинным содержанием – «семантический зазор», а скорее – пропасть, через которую нужно навести смысловые «мостики». Таким «мостиком» может быть как отдельная языковая единица со значимым в контексте целого смыслом – *семантическая доминанта*, так и упорядоченная совокупность таких языковых единиц – *семантическое поле*.

Понятие *семантическая доминанта* необходимо, чтобы подчеркнуть: важна не языковая единица сама по себе, а тот особый внутритекстовый («внутрипроизведенческий») смысл, который она несет в составе целого. Содержание художественного произведения как целого можно реконструировать, отталкиваясь практически от любой использованной в нем языковой единицы – от отдельно взятого слова до законченной главы или даже целого тома. В любом случае базовая единица анализа выступает как *семантическая доминанта*. Введший это понятие в рамках Пражского лингвистического кружка Я. Мукаржовский еще в 1932 году писал: «Доминантой является тот компонент произведения, который приводит в движение и определяет отношения всех прочих компонентов» [10, с. 411].

Семантические доминанты в рамках художественного произведения – это не что иное, как маркеры *концептов* – общеязыковых и авторских. В сжатой, «формульной» трактовке, отражающей феномены языка в целом, концепты – это «перцептивно-когнитивно-аффективные феномены, составляющие основу коллективного и/или индивидуального языкового сознания, отражающие значительную часть структур бессознательного и сверхсознательного» [4, с. 77], применительно к отдельному художественному произведению – «молекулы» базовых смыслов, из которых складывается содержание идейно-художественного целого.

Понятие *семантическая доминанта* пересекается с понятиями *ключевое слово* и *мотив*, связано с конкретными языковыми (точнее, речевыми, контекстуально-ассоциативными) единицами конкретного текста, в пределе – с одной такой единицей, в которой оказываются спрессованы такие фундаментальные свойства художественного, как синергетичность и интермедиальность [3]. Понятие *семантическое поле* пересекается с понятием «концепт» (преимущественно лингвистическим) и с понятиями *тема* и *идея* (преимущественно литературоведческими) Лингвистические представления о семантическом поле позволяют производить не только собственно содержательную, но и предварительную лингвостатистическую обработку языкового / речевого материала [5], реконструировать целостный (квази)тезаурус языковой личности автора / персонажа художественного произведения [2] и т. д.

Таким образом, семантическая доминанта – некий «промежуточный» феномен между языковыми средствами, использованными в художественном тексте, и вербализованными в них концептами. Содержательность доминанты, с одной стороны, основывается на языковых значениях, с другой – на скрытых за языковыми значениями глубинных смыслов, от сугубо индивидуальных до архетипических, принадлежащих индивидуально-авторскому и/или коллективному бессознательному / сверхсознательному.

Языковые средства художественного произведения и имплицитные ими семантические доминанты образуют конstellации родственных феноменов. «Созвездие» однородных в смысловом отношении языковых единиц – это семантическое поле, «созвездие» доминант – концепт и далее концептосфера [9] художественного произведения как совокупность концептов.

Как определить, что некая языковая единица или их совокупность выступает в качестве семантической доминанты, входит в состав некоего семантического поля, репрезентирующего концепт и далее – нечто значимое в составе идейно-художественного целого? Ответов на этот вопрос так много (по сути, «ответами» являются все известные в филологии методы исследования), что компактно суммировать их можно, наверное, только так: значимость отдельной единицы определяем «методом» экспертной оценки, основываясь на личной / коллективной художественной интуиции и вкусе, на профессиональных филологических знаниях и читательском опыте.

Распространено (особенно среди лингвистов) заблуждение, что в качестве особо существенного маркера глубинной семантической значимости может выступать частотность, в проекции на небольшие отрывки текста – лексический и семантический повтор («семантический ассонанс», «семантическая рифма»). Разумеется, эти явления показательны, но зачастую лишь один-единственный раз употребленное слово (например, в заголовке главы, в названии произведения, один «случайно» всплывший персонаж с «говорящей» фамилией) или только несколько раз встретившееся на протяжении всего творчества поэта или писателя слово оказывается «знаковым», требующим особого внимания, и сама единичность или низкочастотность может трактоваться как проявление особо трепетного отношения к именуемому.

Характерный пример – именованная *родины* в поэтическом творчестве В. С. Высоцкого. Ни у кого ныне не вызывает сомнений, что его поэзия как целое – своеобразная «энциклопедия советской жизни» [8], что в ней отразилась вся многогранность русского национального характера [6], что Россия – главная тема его жизни, однако само слово *Россия*, а также *родина* и *отчизна*, встречаются

крайне редко. Из этого обстоятельства иногда делают вывод, что в тематических слоях энциклопедического мира Высоцкого мотив России как особый, маркированный, сколько-нибудь отчетливо не просматривается [11, с. 376–382]. Однако такая «непредставленность» говорит лишь о том, что темы родины и России у Высоцкого маркированы другими средствами, «расширительными» по отношению к ядру семантического поля с квазисинонимическим дескриптором (набором заголовочных слов, выступающих как одно целое) *Россия / родина / отчизна*: это ономастическая лексика и нарицательные именованья людей, реалий российской жизни и т.д.

Три центральных именованья, а значит, и тексты (фрагменты текстов), в которых они использованы, образуют полевою структуру, отображающую один из центральных фрагментов картины мира поэта. *Россия, родина* и *отчизна* в контексте творчества Высоцкого оказываются в «дистантных» контекстуально-синонимических отношениях, поскольку вне контекста данные существительные синонимами в собственном смысле, разумеется, не являются, о чем свидетельствует хотя бы наличие основательных работ, связанных с отдельным рассмотрением соответствующих лингвоконцептуальных феноменов [12; 13]. Существенно, что в поэтическом идиолекте Высоцкого именованье *Советский Союз* в рамках этого поля «значимо отсутствует» (хотя, разумеется, есть словосочетания типа *советский народ, Герой Советского Союза* и т. п.). Высоцкий не мог бы сказать: «Мой адрес – Советский Союз», – его «адрес» – *Россия*.

Россия Высоцкого – это не географическое, а человеческое и духовное пространство. Не овраги, поля и перелески, не пейзажная или натужно-патриотическая, но лирика ролевая и исповедальная. «Люди, люди...» («Песня Бродского» [7, т. 1, с. 244]).

Как и многие темы Высоцкого, его образ России раздваивается. Идеальная, небесная в «Куполах» – и погруженная во мрак, лишенный примет времени, места и движения в «Чужом доме»: «Что за дом притих, погружен во мрак // На семи лихих продувных ветрах, // Всеми окнами обратясь в овраг, // А воротами – на проезжий тракт?» [7, т. 3, с. 199-200]. Родина у каждого своя, – хотя живем в одной стране. Потому и двоится, множится образ России у Высоцкого, что складывается он из множества восприятий – как собственно авторских, так и «ролевых».

Книжно-риторическое *Отчизна* у Высоцкого не представлено, а *Родина* встречается лишь четырежды: «Все срока уже закончены, // А у лагерных ворот, // Что крест-накрест заколочены, – // Надпись: “Все ушли на фронт”. // За грехи за наши нас простят – // Ведь у нас такой народ: // Если Родина в опасности – // Значит, всем идти на фронт» («Все ушли на фронт» [7, т. 1, с. 77]). В песне о процессах над А. Синявским и Ю. Даниэлем: «Если это, так сказать, // «Злобные пародии», – // Почему б не издавать // Их у нас на Родине?» («Вот и кончился процесс...») [7, т. 1, с. 145]). И еще – в контексте сталинской темы – в набросках к песне «Я скоро будудохнуть от тоски...»: «Пусть много говорил белиберды // Наш тамада – вы тамаду не троньте, – // За Родину был тост алаверды, // За Сталина, я думал – я на фронте» [7, т. 2, с. 451].

Как видим, в каждом из этих случаев *Родина* – в каком-либо самостоятельном тематическом контексте – «лагерном», «диссидентском» или «кавказском». Авторская позиция здесь – отнюдь не гражданственная, это скорее отстраненно-ироничная позиция «наблюдателя», простого «свидетеля событий».

Несколько иная ситуация с употреблением топонима *Россия*. Впервые – в рамках «лагерной» темы («– Эй шофер, вези – Бутырский хутор, // Где тюрьма...», [7, т. 1, с. 57]. «По родным решил проехаться местам» бывший заключенный, но – «очень жаль», гротескно-фантастическая ситуация: «Таганку» подчистую разломали, а Бутырку – разбирают на кирпичи. В финале – ироническая вариация на тему официально навязываемой советской мечты о «светлом будущем»: «Или нет, шофер, давай закурим, // Или лучше – выпьем поскорей! // Пьем за то, чтоб не осталось // по России больше тюрем, // Чтоб не стало по России лагерей!» [7, т. 1, с. 57] Еще в рамках «лагерной» темы – из уст налётчика: «На все я готов – на разбой и насилие, – // Бью я жидов – и спасаю Россию!» («Антисемиты» [7, т. 1, с. 70]). И о любви «блатного» с полковничьей дочерью: «Какие странные дела // У нас в России лепятся! // А как она ему дала, // Расскажут – не поверится...» («Она на двор – он со двора...» [7, т. 1, с. 119]).

Используется этот топоним в песенно-исторических экскурсах во времена гражданской войны: «Всю Россию до границы // Царь наш кровью затопил...» («Песня матроса», написанная для спектакля «10 дней, которые потрясли мир» [7, т. 1, с. 106]). И еще: «В куски // Разлетелась корона, // Нет державы, нету трона. // Жизнь, Россия и законы – // Все к чертям! // И мы – // Словно загнанные в норы, // Словно пойманные воры, – // Только – кровь одна с позором // Пополам. <...> Где свои, а где чужие, // Как до этого дожили, // Неужели на Россию нам плевать?» («В куски Разлетелась корона» [7, т. 1, с. 104]).

Афористическое «суммирование» мотива парадоксальности российского бытия – в миниатюре о слухах: «Слухи по России верховодят // И со сплетней в терции поют. // Ну а где-то рядом с ними ходит // Правда, на которую плюют» [7, т. 2, с. 90]. В рамках этой темы, конечно, итоговым должен бы стать гоголевский вопрос: «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ». У Гоголя – «Не дает ответа». Так и у Высоцкого. С образом России совмещается мотив движения лирического героя – то ввысь, к «куполам», и тут же – по заколдованному кругу земному: «Грязью чавкая, жирной да ржавою, // Вязнут лошади по стремяна, // Но влекут меня сонной державою, // Что раскисла, опухла от сна» [7, т. 3, с. 259].

Список литературы

1. Винокур Г. О. Введение в изучение филологических наук. М.: Лабиринт, 2000. 177 с.
2. Волков В. В. «Человек эстетический» в романе В. Орлова «Альтист Данилов»: О квазитезаурусе житнетворчества музыканта // Язык и культура. Новосибирск: ООО агентство «Сибпринт», 2013. С. 179–185.
3. Волков В. В. Интермедиальность как атрибут художественности (лингвогерменевтика термина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 2. С. 135–142.
4. Волков В. В. Основы филологии: антропоцентризм, языковая личность и прагматистика текста. Тверь: Издатель Кондратьев А. Н., 2013. 147 с.
5. Волков В. В., Иванова Н. М. Религия как макроконцепт русской культуры: морфо- и лексикостатистика в лингвоконцептологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2008. № 15. С. 148–157.
6. Волкова Н. В. Русский национальный характер в поэзии В. С. Высоцкого. Тверь: Издатель Кондратьев А. Н., 2011. 97 с.
7. Высоцкий В. С. Собрание сочинений: В 5 т. Тула: Тулица, 1993–1998.
8. Крылов А. Е., Кулагин А. В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни: Комментарии к песням поэта. М.: Булат, 2010. 384 с.

9. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия лит. и яз. 1993. № 1. С. 3–9.
10. Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок: сб. статей. М.: Прогресс, 1967. С. 406–431.
11. Новиков В. И. Высоцкий. М.: Молодая гвардия, 2003. 412 с.
12. Сандомирская И. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик // Wiener Slawistischer Almanach: Sonderband 50. Wien, 2001. 284 с.
13. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 239 с.
14. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

**SEMANTIC DOMINANT AND SEMANTIC FIELD
AS SUPPORTING UNITS IN THE ANALYSIS
OF LITERARY WORKS**

V. V. Volkov, N. V. Volkova

Tver State University

The department of Russian language

The department of philology basics of publishing and literary creation

The authors prove that concepts “semantic dominant” and “semantic field” can be productively used in order to interpret maintenance of literary works.

Key words: *semantic dominant, semantic field, literary work*

Об авторах:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, ул. Желябова, д. 33), e-mail: Volk7Valery@yandex.ru

ВОЛКОВА Наталья Васильевна – доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, ул. Желябова, д. 33), e-mail: volknat@mail.ru